

Независимая Молдова, Кишинев, — 1991. — 10 дек.

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 170 ЛЕТ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Н. А. НЕКРАСОВА

ЕГО РОДНАЯ СТОРОНА...

Строки из автобиографии Николая Алексеевича Некрасова: «Если пересечь в Ярославле Волгу и пройти прямо через Тверицы, то очутимся на столбовом почтовом тракте. Проехав 19 верст по песчаному грунту, где справа и слева лесок, песок, кустарник и вереск, увидишь деревню, начинающуюся столбом с надписью: «Сельцо Грешнево, душ столько-то господ Некрасовых».

Нет, мы не переезжали тогда на пароме Волгу, чтоб попасть в местечко Тверицы. Просто перешли замерзшую реку по льду — шестеро учеников-старшекласников и я — молодой учитель. Мы отправились тогда в поход на лыжах по некрасовским местам.

Под глубоким снегом притаилась знаменитая Владимирка — низовая дорога из Ярославля на Кострому и дальше — в Сибирь. Она всегда жила в его памяти, в его стихах:

У нас же дорога большая
была:
Рабочего звания люди
сновали
По ней без числа...

Это в стихотворении «Крестыанские дети». Есть об этой дороге и в других стихах.

С приглушенным скрипом скользят и замирают лыжи. Последний взмах палок. И вот мы уже у самой дороги, где некогда был барский дом — особняк Некрасовых. Поэт записал в своих воспоминаниях: «Самый дом, последние 20 лет стоявший в развалинах, недавно сгорел, говорят, в ясную погоду при самом тихом ветре, так что липы, посаженные моей матерью в шести шагах от балкона, только закоптились среди белого дня. «Ведра воды не было вылито», — сказала мне одна

баба»!

Он понимал добродушную усмешку мужиков при виде пылающего дворянского гнезда. И все-таки боль невольно заползала в сердце при виде пепелища. И рука, повинаясь этой щемящей боли, писала слова, обращенные к брату Федору Алексеевичу: «Мне часто приходит в голову, что необходимо бы в Грешневе выстроить хоть небольшой домишко, подумай-ка об этом».

Некрасова, как человека, можно понять: мне кажется, у каждого из нас щемит сердце, когда мы после многих жизненных скитаний попадаем в места, где прошло наше детство. Словно то полузабытое вновь тревожит память сердца, рождает чувство утраченного, увя, навсегда!

Нет, домика на пепелище он не построил. При случае купил усадьбу недалеко от Ярославля, по Московскому тракту. Название — Карабиха...

Прошло три десятка лет с тех пор, как я, учитель, побывал в Грешневе. И потом, уже доцентом Кишиневского университета, приехав из Молдовы в Ярославль, решил проехать и в Карабиху.

Пока экскурсанты входят в дом, знакомятся с мемориальным музеем, я оглядываю усадьбу с юга, чтоб постоять у открывшейся дали. Не могу и не люблю посещать музеи, картинные галереи, быть на природе скопом, то есть «коллективом»: идешь, словно по проходному двору!

Стою позади его дома. Зримо представляю, как по утрам, измученный думами и бессонными ночами, поэт приходил сюда и, прищурившись, смотрел на развернувшуюся панораму полей, лесов, утонувших в зелени деревенок. Потом спу-

скался в глухой и таинственный овраг у нижнего парка. Медленно шел к выходящей внизу речушке Которостли. Выплывало солнце, чтоб начать свой путь, и капли росы с ветвей обдавали поэта холодным дождем. Он выходил из чащи и шел по лугу.

Почти каждое лето за последние годы являлся я в родную для поэта Карабиху. Приезжал из Кишинева, из Тирасполя и, приезжая, мог повторить все те же его слова:

Опять она, родная сторона,
С ее зеленым, благодатным
летом,
И вновь душа поэзией
полна...
Да, только здесь могу
я быть поэтом!

За те летние месяцы, прожитые в имении, он написал «Мороз, красный нос», две части «Русских женщин», поэму «Дедушка», «Современники», много стихотворений. И семеро мужиков-правдоискателей начали свой путь, встретившись на столбовой дорожке, недалеко от его Карабихи!

Родина. В его стихах она прошла величавой и беспредельной. От Петербурга до сибирских рудников она несла ему свою скромную росцветь луговых трав, буй-

ство ветров, синь рек. Она врачевала больные раны поэта, и он благодарил ее. Он шел к своему народу.

Да, то было давно и далеко от Молдовы. Но странное дело: он близок и сербу, и румыну, и русскому. Так же, как Крянгэ и Эминеску, так же, как Хаждеу и Негруцци! Близок всем, ибо он — глубоко народен. Както, работая в архиве, я перелистал бессарабский журнал «Народный учитель». Был такой в начале нашего века. Его описал в одной из своих книг кишиневский профессор Б. А. Трубецкой. Так вот, в этом журнале я прочитал статью, посвященную Н. А. Некрасову, некоего Лукина «Некрасов в народной школе». Подумалось: насколько нужно было знать и любить народ, чтоб тебя так ценили всюду! Не показательно ли и то, что именно здесь, в Кишиневе, в Тирасполе, Оргееве и других городах, я находил редкие ныне дореволюционные издания Н. А. Некрасова! И он сам вошел в нашу жизнь не холодно-мраморным монументом, а глашаемым человеческих истин, борцом за правду и справедливость!

На снимке: флигель дома Н. А. Некрасова в Карабихе.

Б. ЧЕЛЫШЕВ,
кандидат филологических наук.

